

Я опять что-то упустил...

Обернувшись, я увидел, что Ши Ичжи закрыл лицо руками наглухо, отказываясь от общения.

Рядом с ним стоял мой отец. Старик выпрямился во весь рост с таким видом, будто разделял всеобщую гордость, — так и жди, что на лбу у него проступит: «Я счастлив, я ликую, я важничаю».

Пока я стоял в столбняке, вокруг зазвучали поздравления: «Генерал, в ваши-то годы уже таких высот достигнуть — редкостное явление!»

«Ещё бы! Чтобы мятежника Шэна одолеть, да ещё после победы в тюрьму на прогнившие харчи сесть — такое на себя возьмёт не каждый».

... Чёрт побери, почему повышение именно сейчас...

Авторское примечание:

Обновление.

Жену назад заполучил, несказанно рад, потому текст толще, длиннее и с бонусом!

Дружеский совет: если нет особых обстоятельств, то обновления вне временного окна 21:00–22:00 — это правка ошибок, а не новые главы.

Меня повысили. Ши Ичжи, воспользовавшись поводом отпраздновать, вцепился в мой дом и не собирался уходить. Отец Ши Ичжи из-за истории с выкидышем Ши Лань временно сделал вид, что слеп к нашим с Ши Ичжи делишкам: ни моему отцу не пожаловался, ни встречи нам не запретил, а просто засел дома, ломая голову над поисками невесты для Ши Ичжи.

Мои родители отправились похвастаться перед старыми друзьями, и вся усадьба стала нашей с Ши Ичжи вотчиной. При такой-то погоде — трава зелёная, цветы алые, небо лазурное, облака белые — я бы по своему обыкновению непременно пошёл шататься по улицам, ища развлечений. Но ныне времена иные: с Ши Ичжи, который держал меня в узде, переступить порог резиденции генерала оказалось задачей не из лёгких.

Что ж, если не выходить, можно и дома развлечься — сверчков погонять, например. Кстати, о сверчках: на днях я на рынке приметил отличного экземпляра — аж на восемь ли, продавец пятьдесят лян запросил, а я угрозами да посулами сбил до двадцати, приобрёл, назвал Генералом Победителем и, кажется, дядюшка Линь его неплохо откармливает... Интересно, подрос ли...

Я витал в облаках, как вдруг над головой повеяло прохладой. Инстинктивно прикрывшись, я не учёл, что Ши Ичжи применил отвлекающий манёвр: свёрнутая в трубку книга изменила траекторию и принялась лупить меня по затылку, да не раз. Ши Ичжи гневно воскликнул: «Полчаса сидишь — страницу не перевернёшь, только шею кривишь да глупо ухмыляешься! Ты читаешь или гредишь? О чём думаешь?!»

Я виновато поднял голову и пробормотал: «О Генерале Победителе...»

Едва слова слетели с губ, как выражение лица Ши Ичжи смягчилось: «Кто такой Генерал Победитель?»

Я вжал голову в плечи и чистосердечно признался: «Сверчок, нового приобрёл...»

Бам! Ещё удар. Стиснув губы, Ши Ичжи прочитал нотацию: «Знаешь, что значит „пустая забава волю губит“? Если впредь замечу, что ты сверчков или подобную дребедень разводишь — одного прихлопну, другого! Быстро голову опусти и страницу перед собой зачитай!»

Ши Ичжи в гневе был прекрасен. Хоть брови и были нахмурены, а глаза гневны, в них сквозила какая-то особая, игривая весенняя прелесть, совсем как у разгневанной молодой жены. Мне это понравилось, и я не удержался, ляпнул похабную шутку: «А ты сейчас очень похож на главную жёнку, что мужа к успехам подгоняет!»

Ши Ичжи действительно перестал хмуриться. Он усмехнулся — сначала холодно, потом ехидно, а в конце — одной лишь кожей да мышцами. Меня напугало это трёхступенчатое преобразование улыбки, и я тут же уткнулся носом в книгу, закивая головой: «Война есть путь обмана. Посему: могущее являй не могущим, применяющее — не применяющим, близкое — далёким, далёкое — близким...»

Докончив фразу и было двинувшись переверачивать страницу, я был остановлен легоньким тычком веера по книге: «Стой. Что сие означает?»

Боже, да когда же этому конец... Я скорчил гримасу и осторожно покачал головой: «... Не очень понятно». Видя, что Ши Ичжи вот-вот взорвётся, я проворно смахнул стопку книг на пол, рукавом обтёр вырезанную на каменном столе доску для го и, поставив ногу на каменную скамью, начал расставлять камни — левой рукой, правой рукой.

Ши Ичжи онемел: «Ты что это...»

Я нахмурился: «Прочие книги — ладно, но сегодня ты мне военный трактат подсунул, вот я и хочу подробно разобрать. Военное искусство — вещь такая: из книг постигнешь — всё равно поверхностно, нужно глубоко изучать». Закончив расстановку, я откинул полу халата и уселся, постучав по столу: «В ратном деле важнее всего — мгновенная реакция, а следование правилам — верная погибель. Взять вот наследника князя Юнъяня. Как он о тактике да стратегии толкует? Будто по писаному! А результат-то какой? Враги его, как последнего щенка, отделали!»

Ши Ичжи неодобрительно покачал головой: «Почему ты только неудачи и запоминаешь? Наследник князя Юнъяня, он просто...»

Я фыркнул: «Он не исключение. Любой, кто слепо по учебникам действует, печать полководца не удержит. По правде сказать, если подумать, в прежних битвах мы как раз из книг приёмы и применяли, просто не знали, как они называются. Мы по обстановке действовали, как вот в этой позиции».

С этими словами я щёлкнул пальцем по белым камням, со всех сторон окружённым чёрными, и пригласил Ши Ичжи взглянуть: «Смотри сюда. На первый взгляд белые — как луч, на излёте, в безвыходном положении». Подкинув ещё два камня, я отвёл белые, пустил вперёд чёрные, и те сожрали добрых тридцать процентов белых. Тыча в белые камни, я медленно изрёк: «А на деле белые заранее путь к отступлению подготовили, смертью жизнь выкупают, малой потерей — великую победу».

Ши Ичжи наконец заинтересовался. Вырвав у меня из руки чёрный камень, он, помедлив, поставил его: «А если чёрные биться не станут, а пользу выгоду получив, отступят?»

Я усмехнулся и выставил белый камень, преграждая чёрным путь к отступлению: «Себе путь отхода оставь, врагу — закрой. Взгляни-ка ещё раз на отходы чёрных — все пути мертвы. Война есть путь обмана: истинное ложным являй, живое — мёртвым».

Ши Ичжи поднял на меня взгляд — поражённый.

Я продолжал: «Твои эти трактаты я тоже пару штук пролистал. Честно — всё то же, что отец на словах мне втолковывал. Я человек простой, ты мне про „под корень“ да „лодки жечь“, про „сеять раздор“ — я не пойму. Я понимаю вот что: десятки тысяч братьев мне верят, за мной на смерть идут. Доверие это предать не могу. Я должен изо всех сил постараться, чтобы большинство живыми вернулись. Я должен победить — любой ценой».

Ши Ичжи молча слушал, а потом, вытаращив глаза, изрёк: «Ты... в общем-то, и не дурак... И вправду на генерала смахиваешь».

Эта его физиономия, будто привидение увидел, меня очень позабавила. От похвалы голова закружилась, кровь ударила в мозг, злость излилась в смелость. Воспользовавшись его неготовностью, я развернулся и прижал Ши Ичжи к доске, упёршись руками по бокам от его головы, и свистнул. Склоня голову набок и строя развязную ухмылку, я спросил: «Генерал я что надо, а? Сдаёшься, красавица?»

Потом я понял, что тогда и впрямь дураком был. Я, армейским грубияном будучи, пытался жениться, как над простолюдинкой, да ещё ожидал, что Ши Ичжи, как та самая простолюдинка, покраснеет и рассердится. Да я слепого комара ловил — сил только потратил! Ши Ичжи не простолюдинка. Окажись он в публичном доме — главной куртизанкой бы не стал, так уж первой кралей — обязательно.

Короче говоря, Ши Ичжи в искусстве поддразнивания мне ничуть не уступал. Я свистнул, а он кончиком веера тронул мою грудь и медленно повёл вниз, пока не достиг двух цуней выше пупка, где принялся водить круги. Ши Ичжи прищурился, и ухмылка его была развязнее моей: «Ещё и не начинали — о какой сдаче речь? По пословице: по внешности человека не суди. Кто знает, может, ты — копьё оловянное, а я — стержень золотой нерушимый».

Какого ещё оловянного! Контратакованный, я почувствовал, что лицо теряю, и, дурак, решил стоять до конца. Ши Ичжи кончиками пальцев скользнул по моему кадыку, а я обхватил его за талию. Мы уставились друг другу в глаза, я уже склонялся для поцелуя, как вдруг Ши Ичжи вскрикнул: «... Стой, кажется, спину натёр».

Я молча разжал объятия и молча помог ему сесть. На небе как раз проплыли облака, над головой прозвенели птицы. Ладно, надо будет стол новый заказать — с закруглёнными углами. Прямоугольные — неудобные...

Ши Ичжи, морщась, растирал поясницу. Свёрнутая ранее книга теперь лежала на столе развёрнутой. Я заглянул — и рассмеялся.